

явления и перевоплощения стоит искать в достаточно широком контексте, говоря, к примеру, о чертах авангардности не только у В. Сосноры или у «метаметафористов», но и (в трансформированном виде) у И. Бродского и его сателлитов. Значение авангарда не столько в том, что он кому-то передал творческую «эстафету», сколько в том, как он конкретно повлиял на творческое самоопределение самых разных (в том числе и по личностно-субъективным оценкам авангарда) поэтов. Впрочем, это предмет очень обширного исследования. Хотелось даже сказать: исследования коллективного, но, поскольку здесь на такие инертные и отсталые структуры, как ИМЛИ и ИРЛИ, рассчитывать не приходится, все надежды вновь возлагаются на энергичных одиночек.

«Проблематика этой книги теснее, чем бывает обычно, связана с личностью автора», — с вполне авангардистской дерзостью начинает С. Бирюков «Вступ» к своей книге, изобилующей авторскими рисунками, фотографиями и «перформами». Кстати, и В. Кравец свою стилистически сдержанную книгу сопроводил, не боясь конкурировать с Филоновым, собственными рисунками и даже факсимильным текстом своего «Дневника исследования». За всем этим видится страстная увлеченность предметом, концептуальный напор, весьма симпатичный на фоне безликой «скромности» и смысловой непроявленности множества нынешних литературоведческих трудов.

Вл. НОВИКОВ.

*

Прп. ИУСТИН (ПОПОВИЧ). Достоевский о Европе и славянстве. Перевод с сербского Л. Н. Даниленко. СПб., Издательский дом «Адмиралтейство», 1998, 271 стр.

Суть этой книги о Достоевском в том, что она написана святым. В 1993 году Сербская Православная Церковь прославила угодника Божия преподобного Иустина и причислила его к лику святых.

Кто-то остроумно заметил, что о Достоевском пишут в основном его герои. И действительно, мы имеем множество исследований, авторами которых можно

счесть «подпольного» человека, Петрушу Верховенского, Фому Опискина и Ракитина; писал и Верховенский-старший, удостоил даже Версиков, а более всего, конечно, постарались разнообразные Иваны Карамазовы, недаром наделенные своим создателем сердцем, способным горня мудрствовать и горных искать, умом, которому главное — мысль разрешить, да недоужинным литературным талантом в придачу.

Но вот, наконец, и «старец Зосима», канонизированный Церковью: будто в пику Константину Леонтьеву, которому недостаточно было, чтобы вера начиналась страхом Божиим, но хотелось, чтобы она им и заканчивалась. И если любви и радости о Господе требовалось оправдание, наверное, можно считать, что они снова оправданы.

Маленькое предисловие прп. Иустина к его книге можно сделать еще меньше, сократив до двух первых строк и одной последней. «Начиная с моих пятнадцати лет Достоевский мой учитель. Признаюсь — и мой мучитель... Нелегко следовать за Достоевским — однако же достойно человека: мучиться этой возвышающей человека мукой».

Здесь сказано все, что нужно, чтобы читатель поверил автору и доверился ему: ведь перед нами человек, пишущий о том, что его более всего поражает, увлекает, томит и мучает, — о самом личном, но это личное — самое общезначимое, ибо это «вечные проблемы человеческого духа». Автор конгениален своему герою. Еще бы — ведь он сам любимый и почитаемый герой этого писателя.

Хотя проблемы, которые ставит перед собой прп. Иустин, не менее головокружительны, чем те, что виделись, скажем, Льву Шестову, книгу отличают удивительная ясность и спокойствие, свойственные, наверное, правильному взгляду, правильной постановке вопросов и прямому и искреннему подходу к ним. Начинает казаться, что то, что представляется безудержной смелостью в текстах, где истина регулярно совершает сальто-мортале без гарантии приземлиться на ноги, на самом деле, — следствие недостаточной смелости и выдержки. Истина горяча и обжигает, мужество требуется для того, чтобы спокойно выдержать ее ожог, а не для

того, чтобы перебрасывать ее с ладони на ладонь.

«Достоевский не всегда современен, но всегда вечен», — пишет автор. Сейчас Достоевский жгуче современен, и книга, написанная в 1931 году, доказывает это как нельзя лучше. Прп. Иустин разгадывает для нас тайну Ивана Карамазова, но кажется, что он раскусил наших современников.

Кстати, это чистейшее самоутешение — считать, что Достоевский и Попович разоблачают пороки «всех этих европейцев» («пороки» здесь вроде «порока сердца» — то, что оказывается для человека и культуры потенциально смертельно). И тот и другой проводят конкретный анализ на исключительно русском материале. А если у тебя порок сердца, думать, что им страдает только твой сосед, — и неразумно и опасно. Это не менее неразумно и опасно и в том случае, если предположить, что болезнь заразная и что сосед заболел первым.

Чёрта, с легкой руки известной литературоведческой традиции, объявили «двойником» Ивана Карамазова. А двойник — пусть твое искаженное, но отражение. Даже если ты отдаешь двойнику все свое самое плохое, оно все равно — твое. Двойник — твое порождение, даже если это опивки твоей души; в сущности, он в твоих руках, даже если выматывает тебе душу. Все казалось очень логично, особенно если вспомнить, что Достоевский никак не мог «буквально» поверить в дьявола. Но святой говорит нам, что дьяволу не обязательно, чтобы в него верили.

«В самый страшный час своей жизни Иван понял самым убедительным образом, что в создании его философии и этики участвовала некая надчеловеческая вневременная и внепространственная сила, которая становится кошмаром, как только она входит в круг людских временных и пространственных событий... Для Ивана достаточно мучений и тех загадок и тайн, что имеют место во времени и в пространстве, и никто не имеет права подсовывать ему еще какую-то вечность с ее тайнами и

загадками. У Ивана есть свой эвклидов мир; он желает, чтобы этот мир был герметически закрыт со всех сторон, без каких-либо окон, которые бы глядели в какие-то бесконечности. Но его таинственный кошмарный посетитель не обращает внимания на его желание, он не ждет от него разрешения на то, чтобы в эвклидов мир Ивана забрело нечто ему неугодное, нечто потустороннее, противоестественное и бесконечное. Необъяснимо как, но абсолютно достоверно он участвует в духовной жизни Ивана: думает его мыслями, трудится над его идеями. Более того, он как бы совпадает с духом Ивана: заканчивает его мысли, дает четкое определение хаотическому психическому состоянию Ивана, облекает в слова проблески его мыслей, проясняет его сознание, философствует его философией, нашептывает Ивану новые идеи, гениально защищает атеистическую философию и анархистскую этику Ивана».

Удивительно точно здесь отмечен не только факт внешнего вторжения «той силы, что вечно хочет зла» (хотя Иванов гость это и отрицает), но и факт ее наглого и самостоятельного вторжения, без разрешения и приглашения. Господь, как ни стучится в душу человеческую, никогда не войдет без зова и разрешения, что у Достоевского многократно показано в пронзительнейших эпизодах. Господь — гарант человеческой свободы и Сам никогда не нарушит ее. Но если человек отвернулся от Бога, дьявол войдет без приглашения и разрешения. Прагматизм защищает человека от Бога — не от дьявола. И защищенный от Бога, человек становится добычей, мучеником и сотрудником дьявола, причем согласия человека уже не требуется.

К сожалению, это диагноз, и, к сожалению, не неожиданный. «Нехорошо человеку быть одному», но, как выясняется, это и невозможно. И вот это *невозможно* — то, чего мы видеть не желаем. Пожалуй, чтобы разглядеть это, нужен святой. Ведь только «здоровые очи души ясно видят...».

Татьяна КАСАТКИНА.